

КРАМНИК Валерий Викторович

«ДЕМОН ЖАДНОСТИ» И МОРАЛЬ: КТО КОГО?

Об авторе:

*Профессор кафедры политологии Санкт-Петербургского
Университета экономики и финансов,
доктор политических наук.
Окончил философский факультет
ЛГУ им. А. А. Жданова.*

Если приглядеться к достижениям и поражениям современного мира, нельзя не признать, что все они так или иначе коренятся в природе капитализма, сила и слабость которого вызваны своеобразным сочетанием психокультуры человека и права. Сила – в задействовании самого мощного – после инстинкта самосохранения – **инстинкта жадности, стремления к выгоде и корысти**. «Низкая алчность, – указывает Ф. Энгельс, – была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства»¹. «Только бурное развитие капитализма, – констатирует Э. Фромм, – привело к тому, что жажда наживы стала мотивом жизни все большего числа людей»². «Дух» капитализма, его «движущая сила», вторит ему М. Вебер, выражается «...прежде всего, в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонических и гедонистических моментов; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретение

служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на **приобретательство**, которое **становится целью его жизни**. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы «естественным» порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веянием»³.

Конечно, капитализм претерпел значительную эволюцию, стал менее ригористическим и более гедонистическим, но одно осталось неизменным – **стремление к наживе, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде как цель, самоцель человека, как его долг, его призвание**. «Дух» современного капитализма, по мнению М. Вебера, отличается от его предыдущих фаз тем, что для него «характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли...»⁴. «Приобретение денег – при условии, что оно достигается законным путем, – является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему **призванию**...»⁵. Таким образом, современный капитализм выступает как рациональная, «законная» система извлечения прибыли, наживы. М. Вебер специально подчеркивает: «Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того – его духу»⁶. Напротив, ему тождественно рациональное ограничение, регулирование иррацио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 176.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998, с. 275.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 75.

⁴ Там же, с. 85.

⁵ Там же, с. 76.

⁶ Там же, с. 48.

нальных побуждений к наживе, прибыли. «Капитализм может быть идентичен обузданию этого иррационального стремления (к наживе. – В. К.), во всяком случае, его рациональному регламентированию. **Капитализм, безусловно, тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, рентабельности**»⁷.

Возникает вопрос: способна ли рациональная, «законная» система сдерживать чрезмерные искусы эгоизма, обуздать жадность, удерживать ее в конструктивных рамках? Европейские, а тем более **азиатские модели** социального, менее индивидуалистического, **коммунитарного капитализма**, сочетающие в той или иной мере «личный эгоизм», «групповой эгоизм», «анти-эгоизм» и альтруизм⁸, выступают своеобразным предохранителем, препятствующим перерастанию «конструктивной» жадности в «деструктивную». Хотя нет-нет, а в последнее время все чаще, вулканические всплески энергии эгоизма и эгоцентризма, жадности и супержадности то тут, то там пробиваются сквозь этот предохранитель в виде коррупции, ценовых сговоров, укрывательства налогов и т. д. и т. п. Что же тогда говорить об **англо-американском капитализме**, который, по мнению его критиков, «разделяет индивида и общество и способствует эгоизму и жадности»⁹? В последние десятилетия в Америке шло нарастание крайнего индивидуализма и самодовольства под аккомпанемент лозунгов «делай все по-своему» и «**greed is good**» (жадность – это хорошо)¹⁰. Не бережливость, расчетливость, экономность, а жадность как «чрезмерное стремление к удовлетворению какого-нибудь желания»¹¹, желания чрезмерного богатства. Не эта ли легитимация – **идеализация жадности**, возведение ее в ряд достойных, важнейших стимулов деловой жизни – явилась тем драйвом, и супердрайвом, который вывел Америку в лидеры современного мира – экономического,

технологического, военного? Не потому ли сторонники англо-американской системы объясняют невыгодное сравнение, например, Америки и Азии, тем, что в Азии «недостаточно социально-продуктивной жадности»¹²? Но вместе с тем – и в этом слабость капитализма, его ахиллесова пята, – превзойдя всякие пределы, **жадность породила вакуум тормозов** у тех, кто, придерживаясь взгляда, что свободу человека ограничивает «только физиологическая структура его тела и естественная ограниченность его производительных возможностей»¹³, в безудержной погоне за богатством готов игнорировать «законные» правила игры. Именно неумная **жадность американских топ-менеджеров** привела к мошенничеству, фальсификации отчетности, финансовым злоупотреблениям, махинациям с ценными бумагами, злоупотреблению с инсайдовской информацией, ценовому и информационному сговору между корпорациями, что неизбежно привело к обвалившемуся рынку скандальному банкрот-

ству наиболее зарвавшихся и могущественных из них – Enron и WorldCom.

В свое время радикальную и безуспешную попытку **вырвать жало жадности из чрева человека предприняли российские большевики**¹⁴. В 60 – 70-е годы минувшего века вышли в свет молодые идеалисты – волосатые могильщики жадности: жгли костры из стодолларовых купюр, пели «Imagine» гуманиста Джона Леннона, обвиняли родителей в том, что те живут ради денег, а не ради человека. Но не переделать природу человека! **Жадность ододела своих могильщиков**. Совесть успокоилась, уступила соблазнам: бунтари постриглись, одели «тройки» и пошли в корпорации «делать деньги».

Если нельзя устранить **жадность**, неизбежно замешенную на зависти, на неодолимом желании обойти других, добиться превосходства над ними в богатстве, власти и престиже¹⁵, то **что может сдержать ее деструктивные проявления?** Мораль, этика? Но если в социальной, коммунитарной экономической системе выгода как-то соотносится с социальной справедливостью или общим благом, то, по мнению апологетов англо-американ-

⁷ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 48.

⁸ Подробнее см.: Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000, с. 127 – 128; Новинская М. Н. Коммунитарная парадигма: модернизация левой идеи в западной политической культуре // Мировая экономика и международные отношения, № 4, 2000.

⁹ Barry N. Capitalism After the Fall of Communism. – Politics. 1998, 18 (2), p. 133.

¹⁰ См.: Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997, с. 254; Barry N. Op. cit., p. 134.

¹¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984, с. 162.

¹² Barry N. Capitalism After the Fall of Communism. – Politics. 1998, 18 (2), p. 139.

¹³ Людвиг фон Мизес. Антикапиталистическая ментальность. Нью-Йорк, 1992, с. 3.

¹⁴ См.: Крамник В. В. Природа человека и экономическая эффективность // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, № 2, 1998.

¹⁵ См.: Крамник В. В. Зависть как мотив экономической конкуренции // Экономическая психология: вопросы теории и практики, СПб., 2001.

ской модели экономики, **«"бизнес-этика" есть угроза экономической эффективности и не гарантирует высокий уровень стандартов в коммерции»**¹⁶. Религия здесь также не большой помощник, поскольку, **«когда идея личного спасения в будущей жизни утратила свою прежнюю важность, за этим неизбежно последовало ослабление интериоризации моральных норм»**¹⁷. Проповеди Папы Римского Иоанна Павла II о милосердии, о социальной этике, о невозможности оставаться безучастными к судьбам нищих и безработных остаются гласом вопиющего в пустыне. Гуманитарная эволюция, проделанная человечеством, не отменяет того, что сегодня, как и прежде, деньги, богатство зачастую побеждают мораль и справедливость. Даже **после беспрецедентного удара террористов по Америке американцы «разменяли патриотизм на деньги»**: никакие призывы подходить к торгам с патриотизмом не предотвратили резкое снижение котировок на бирже – брокеры не покупали, а вовсю продавали акции, обрушивая рынок ценных бумаг. **«Рынок не может работать на патриотических принципах»**, – заявил Джордж Сорос. Как же тогда можно верить директорам крупнейших американских корпораций, которые в приказном порядке дали клятву в том, что их финансовая отчетность соответствует действительности, ибо, как известно, честность не может регулироваться клятвами, а только совестью, которая далеко не всегда выдерживает напор «больших денег»? Есть ли вера в осуществимость и необратимость инициативы ряда известных топ-менеджеров, призвавших своих коллег в добровольном порядке снизить свои заработки? (За последние 20 лет **разрыв между средним доходом рабочего и главы компании увеличился с 42 до 400 раз**, что «противоречит нормам морали».) Вряд ли надолго отобьют охоту к незаконному обогащению и принудительные, уголовные меры: со временем отыщутся лазейки в законах, ослабнет бдительность контролирующих органов и все вернется «на круги своя».

Сходные процессы и проблемы касаются и России, где подавленная, **скованная в советское время энергия «алчного стремления к богатству»**, пробиваясь с трудом в недрах теневой экономики, прорвалась с началом и эскалацией рыночных реформ и по закону «действие рождает противодействие», **сокрушая препятствия**, казалось бы, незыблемого у советских людей **«антиэгоизма» и альтруизма**, окончательно **вырвалась наружу**. В своем крайнем виде она **проявилась в суперкорыстном дележе общего достояния**, во что, собственно, и вылилась молниеносная приватизация самых баснословно прибыльных отраслей – газовой и нефтяной,

которые раньше служили всем гражданам, а сейчас – прежде всего своим владельцам, мгновенно превратившимся в мультимиллиардеров, входящих в круг самых богатых людей мира. **Неумная скарденность их препятствует перераспределению сверхдоходов** от реализации нефти и газа в пользу живущего на грани или за чертой бедности подавляющего большинства народа. Одновременно **«хватательный рефлекс» раскрепостил ранее сдерживаемые массовые деструктивные и агрессивные инстинкты**, породил в небывалых масштабах коррупцию, воровство, насилие и т. п.

Интегрируясь в капитализм, Россия адаптирует присущие ему и не дающие полной гарантии **методы борьбы с «демоном жадности»**. Помимо легальных и правоохранительных методов множатся «кодексы чести», «хартии деловой корпоративной этики», разрабатываемые «большим бизнесом», остающиеся скорее декларативными, чем реально умеряющими их эгоистические аппетиты.

Каково же будущее мира, подверженного неукротимому «демону жадности»? Вацлав Гавел, президент Чехии, обращает внимание на огромные угрозы для цивилизации и планеты, которые несут на Западе, а теперь, добавим, и в России, и в странах Восточной Европы, **«диктатура денег» и «расцвет эгоизма»**, противостоять которым невозможно «без новых моральных усилий, без изменения духа и отношения к жизни и миру в целом». А потому богатый и демократический Запад должен «произвести моральную переоценку ценностей, чтобы будущее не приносилось в жертву нынешним доходам». **Те же, кто провел жизнь в условиях социализма, обязаны передать миру «фундаментальный опыт экзистенциализма»**, который подсказывает: «реальный политический успех приносит только то, что дает правильный ответ на основные моральные дилеммы времени и культуры». Однако на вопрос, удастся ли гражданам бывших соцстран использовать этот опыт и позитивно повлиять на общее развитие современной цивилизации, ответ был неутешительный: «Я в этом не вполне уверен. Увы, мы, быть может, сами догоняем Запад в тех сферах, которые служат всем предупреждением об опасности и ведут весь мир к мрачному будущему»¹⁸. Конечно, «правильнее было бы внушить людям презрение к золоту и шелкам, как вещам суетным и бесполезным»¹⁹. Но в капиталистической системе, где «властелин – деньги»²⁰, абсолютного иммунитета от периодических вспышек эпидемии жадности нет и не предвидится. Это заставляет постоянно держать их под контролем, сводить к минимуму, делать менее болезненными для общества.

¹⁸ Вацлав Гавел призывает восточноевропейцев морально повлиять на Запад // Общая газета, 27 мая – 2 июня 1999.

¹⁹ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. М., 1992, с. 289.

²⁰ Людвиг фон Мизес. Антикапиталистическая ментальность. Нью-Йорк, 1992, с. 6.

¹⁶ Barry N. Capitalism After the Fall of Communism. – Politics. 1998, 18 (2), p. 133.

¹⁷ Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество, СПб., 1966, с. 80.